Автор: admin
16.04.2014 18:09 -

Ведун

Ведун - колдун, знахарь и Ведунья (Ведуница) - ворожея, ведьма, колдунья, знахарка. "И тот человек Федька - ведун великой, носит крест под пятою" (Московская область).
В историко-литературных памятниках (текстам грамот, присяг, в документах судебных процессов) ведунами и ведуньями именуют ведьм и колдунов. Эти употребляемые и в XIX-XX веках названия характеризуют их как "ведающих", "знающих", "занимающихся ведовством" людей.
"В 1598 году, присягая Борису Годунову, клялись "ни в платье, ни в ином ни в чём лиха никако не учинити и не испортити, ни зелью лихово, ни коренья не давати... Да и людей своих с ведомством не посылати и ведунов не добывати на государское лико... и наследу всяким ведовским мечтаниям не испортити, и кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати... и того поймати" (Краинский, 1900 год).
Из приведённого текста очевидно основное занятие ведунов - это колдовство, порча посредством кореньев, трав или различных зелий, почему в судебных процессах над колдунами (XVI-XVII веков) обычно и фигурируют ведуны и зелейники.
Область ведовства традиционно была обширной: верили, что ведуны и ведуньи могут насылать болезни, внушать любовь и отвращение, заколдовывать промыслы и т. п. «В 1654 г. лушанин Исачко Антипов, испорченный гулящей женкой Матреной, находясь ночью в конюшне, видел „лес великий, и дубравы большие, и люди многие толкут и сеют, а кажется де, что на Девичьем поле“. Видение преследовало его и после того, как он возвратился в подклеть и лег спать. (...) Когда он наутро рассказал ведунье о ночных страхах, последняя хвасталась, что „есть де за нею и иные причты, учнет де она то делать, чего человеку и в ум не вместится“» (Черепнин, 1929 год).
В 1561 г. в Тюмени разбиралось дело о ведовстве на промысле. В первой половине XVII в. в одном из московских судебных приказов рассматривалось дело, возникшее из-за того, что одна из работавших при дворе мастериц выронила платок с корнем «неведомо каким»: «Под угрозой пытки мастерица показала, что “она некоей женке (Таньке) била челом, что до нее муж лих, и та ей дала тот корень; а велела его положить на зеркальное стекло, да в зеркало смотреться и до нее будет муж добр» (Демич, 1899 год).
При помощи кореньев и трав старались заручиться милостью своих бояр: крестьяне и холопы «носили некоторые сорта трав и кореньев на шее, пили их с водой или же предлагали в еде и питье своим господам. В 1649 г. холоп Пронка говорил на допросе, что один колдун, крестьянин Троице-Сергиева монастыря, «показал ему коренья и трав узол с шапку и, выняв ис того узла корень да щепоть мелкой травы, дал ему Пронке и велел пить в воде и в пиве, а корень носить на вороту, ино де боярин будет к тебе добр».
По поверьям, из опасности могла выручить трава дя(ге)гиль (Angelica archangelica и Angelica sylvestris, дикая заря, коровник), «стоило разбросать ее по дороге, и лошади

уносили всадника от погони»; «папортник защищал от злого умысла со стороны недругов»; трава калган (Aepinia galanga), которую пили в вине, предотвращала возможность порчи (Черепнин, 1929 год).
Вера в особые, колдовские свойства некоторых кореньев и трав была так сильна, что иногда считалось опасным брать или давать цветы незнакомым лицам: с цветком или травой недуг мог переместиться с одного лица на другое (Антонович, 1877 год).
По общераспространенным представлениям (сохранившимся вплоть до XX в.), свойства зелий и трав усиливались или изменялись под действием наговоров, магических действий ведунов: «Глубокую веру в силу дурного слова очень ярко выразили доктора Аптекарского Приказа, приглашенные в 1628 году, в качестве экспертов для определения растения, найденного у бродячего крестьянина. Исследование показало, что „тот корень гусина плоть и к лекарству пригожается“, но при этом доктора прибавили: „А буде де кто захочет ворковать, и он и на добром корени воровством и наговором дурно сделает“» (Черепнин, 1929 год).
В России XVI-XVII веках ведовство представлялось государственно опасным. В 1690 г. сподвижник известного деятеля XVII в. Федора Шакловитого Иуда Болтин обвинялся, в поступившем на него доносе, в намерении «испортить государя». Утверждалось, что Болтин «мотал травы и коренья, где... государей шествие в походы». «Если бы, - утверждал челобитчик, - на то коренье и травы наехали вы, государи, и того бы числа великая скорбь вам, государям, была и от тое болезни не во многие дни кончина была». При царе Михаиле Федоровиче жестоко преследовали за единственный найденный у подозреваемого в ведовстве корешок и чуть не сожгли проживавшего в Москве немца-живописца, обнаружив у него череп и посчитав его ведуном.